

Глава 1

Адвокат по уголовным делам Перри Мейсон, нахмурившись, глядел на своего помощника Карла Джексона. У краешка стола примостилась секретарша Делла Стрит — колени сдвинуты, карандаш нацелен на раскрытый блокнот; она спокойно и внимательно наблюдала за обоими. Мейсон держал в руке отпечатанный на машинке листок.

— Насчет кошки, значит? — спросил он.

— Да, сэр, — ответил Джексон. — Он настаивает на личной встрече с вами. Он ненормальный. Я бы не стал терять время, сэр.

— Кажется, вы говорили: он калека, на костыле? — припомнил Мейсон, задумчиво глядя в бумагу.

— Верно. Ему лет шестьдесят пять. Говорит: попал в автомобильную катастрофу года два назад. За рулем был его хозяин. Эштон — человек, который хочет вас видеть из-за своей кошки, — сломал бедро и повредил сухожилия на правой ноге. Лекстер, его хозяин, сломал правую ногу выше колена. Лекстер тоже был немолод, кажется, ему было шестьдесят два, когда он умер, но у него нога зажила. А у Эштона — нет. С тех пор он на костылях. Вероятно, поэтому Лекстер позаботился о своем привратнике в завещании. Он не

4 оставил Эштону денег, но распорядился, чтобы наследники предоставили Эштону место привратника до тех пор, пока он сможет работать, а после — чтобы купили и обставили ему дом.

— Необычное завещание, Джексон, — нахмурился Перри Мейсон.

Молодой адвокат кивнул в знак согласия:

— Да, необычное. Этот Лекстер был юристом. У него трое внуков. Внучке он не оставил ничего. Два внука унаследовали состояние поровну.

— Как давно он умер?

— Недели две назад.

— Лекстер... Лекстер... Это о нем что-то было в газетах? Его смерть была связана с каким-то пожаром?

— Правильно, сэр. Питер Лекстер. Говорили, что он скупердяй. Он, конечно, был чужак. Жил в загородном доме в Карменсите. Ночью дом загорелся, и Лекстер погиб. Трое внуков и несколько слуг в это время находились в доме, им удалось спастись. Эштон говорит, что пожар начался в спальне Лекстера или рядом.

— Привратник был в это время там? — спросил Мейсон.

— Нет. Он сторожил городской дом.

— Внуки теперь живут в городе?

— Двое из них, наследники. Сэмюэль К. Лекстер и Фрэнк Оуфли. А внучка, Уинифред Лекстер, которую лишили наследства, там не живет. Известно, где она теперь.

— Эштон ждет в конторе? — спросил Мейсон. Глаза его сверкнули.

— Да, сэръ. И никого не желает видеть, кроме вас.

— Так в чем же, собственно, состоит его дело?

— Сэм Лекстер признает, что, согласно завещанию, он обязан обеспечить Эштона работой привратника, но уверяет, что вовсе не обязан держать в доме его персидскую кошку. Эштон очень привязан к ней. Лекстер грозит, что, если Эштон не избавится от питомицы, ее отравят. Я бы не стал отнимать у вас время, но ведь вы велели докладывать обо всех клиентах, которые приходят в контору. Вы же не хотите, чтобы мы сами брали на себя их дела.

— Верно, — кивнул Мейсон. — Никогда нельзя знать заранее, чем обернется то, что кажется пустяком. Помню, когда Фенвик занимался делом об убийстве, к нему обратился какой-то человек по поводу оскорбления. Фенвик хотел направить его к клерку — посетитель разозлился и ушел. А через два месяца после того как клиент Фенвика был повешен, адвокат узнал, что тот человек приходил к нему, чтобы привлечь к суду свидетеля обвинения — за оскорбление действием после автомобильного наезда. Если бы Фенвик тогда его принял, ему стало бы ясно, что свидетель обвинения не мог находиться там, где он, по его словам, был во время преступления.

Джексон уже слышал эту историю. Он кивнул в знак внимания и спросил, как бы сожалея, что мистер Эштон отнимает слишком много времени:

— Значит, сказать мистеру Эштону, что мы не можем им заняться?

— Деньги у него есть? — спросил Мейсон.

6 — Не думаю. По завещанию, он имеет постоянную работу, пятьдесят долларов в месяц, стол и квартиру.

— Он старый человек?

— Конечно. Я бы сказал — старый чудака.

— Но любит животных, — заметил Мейсон.

— Очень привязан к своей кошке, хотите вы сказать.

— Именно это я хотел сказать, — кивнул Мейсон.

Делла Стрит, больше знакомая с привычками Мейсона, чем Джексон, вступила в разговор с легкой фамильярностью человека, который давно работает в конторе и не слишком соблюдает формальности:

— Ты только что закончил дело об убийстве, шеф. Почему бы не оставить контору на ассистентов, пока ты съездишь на Восток? Ты бы отдохнул.

Мейсон сверкнул на нее глазами:

— А кто же, черт возьми, позаботится о кошке мистера Эштона?

— Мистер Джексон.

— Он не хочет говорить с Джексоном.

— Тогда пусть ищет другого адвоката. Адвокатов в городе полным-полно. Не станешь же ты тратить время на кошку?

— Старик, — задумчиво сказал Мейсон, — чудака... Вероятно, одинокий. Его благодетель умер. Кошка — единственное живое существо, к которому он привязан. Большинство юристов только посмеются над ним. Нет, Делла, это одно из тех дел, которые кажутся пустяком адвокату, но много значат для клиента. Адвокат должен быть на стороне бездоленного.

Понимая, что произойдет, Делла Стрит кивнула Джексону: 7

— Попросите мистера Эштона войти.

Джексон слегка улыбнулся, собрал бумаги и вышел. Как только дверь, щелкнув, затворилась, пальцы Деллы Стрит сомкнулись вокруг левого запястья Мейсона:

— Ты берешь это дело, шеф, только потому, что знаешь: он не сможет заплатить хорошему адвокату.

— Можно же допустить, — нахмурился Мейсон, — чтоб иной раз появился хромой, ворчливый старик, с персидской кошкой и без денег.

В длинном коридоре застучал костыль, переменяясь со звуками шагов. Джексон открыл дверь с видом человека, который, посоветовав избежать неразумного шага, отказывается отвечать за последствия. Вошел пожилой мужчина, весь в морщинах, с тонкими губами, кустистыми седыми бровями, лысый и не улыбочивый.

— В третий раз к вам прихожу, — сказал он раздраженно.

Мейсон указал на стул:

— Садитесь, мистер Эштон. Извините, я расследовал дело об убийстве. Как зовут вашу кошку?

— Клинкер. Он — кот, — сказал Эштон и уселся в большое черное кожаное кресло, держа перед собой костыль двумя руками.

— Почему Клинкер? — спросил Мейсон.

— Юмор такой. — Глаза и губы старика и не думали улыбаться.

— Юмор? — переспросил Мейсон.

8 — Да, я раньше в кочегарке работал. Клинкер там постоянно гремел и звенел. Я так его назвал, потому что вечно он грохотал и все опрокидывал.

— Любите его? — спросил Мейсон.

— Он единственный мой друг во всем мире, — хрипло сказал Эштон.

Мейсон поднял брови.

— Я ведь привратник. По-настоящему я не работаю. Дом много лет заперт. Хозяин жил в Карменсите. Мое дело — бродить кругом, убирать двор да подметать ступеньки. Три-четыре раза в год хозяин устраивал уборку, все остальное время комнаты заперты и ставни закрыты.

— Там никто не жил?

— Никто.

— Зачем же он арендовал дом?

— Так уж надо было.

— И хозяин оставил завещание?

— Да. По завещанию за мной остается место, пока я могу работать, а если не смогу — обо мне должны позаботиться.

— Наследники — двое внуков?

— Трое. Но в завещании упомянуты двое.

— Расскажите о ваших неприятностях, — предложил Мейсон.

— Хозяин сгорел во время пожара в загородном доме. Я об этом не знал, пока мне утром не позвонили по телефону. Владелец дома теперь — Сэм Лекстер. Он красивый мальчик, но не любит животных, а я не люблю тех, кто не умеет обращаться с ними.

— Кто был в доме во время пожара? — спросил Мейсон.

— Уинифред. То есть Уинифред Лекстер, внучка. Потом Сэм Лекстер и Фрэнк Оуфли — внуки. Миссис Пиксли была — экономка. И еще сиделка — Эдит де Во.

— Еще кто? — спросил Мейсон.

— Джим Брэндон, шофер. Ушлый парень. Знает, с какой стороны хлеб маслом намазан. Поглядели бы вы, как он Сэма Лекстера обхаживает.

Эштон даже стукнул по полу костылем, чтобы выразить отвращение.

— Еще кто?

Эштон пересчитал по пальцам тех, кого уже упомянул, и добавил:

— Нора Эддингтон.

— А она что за человек? — Мейсон, очевидно, наслаждался зрелищем этих разных характеров, увиденных циничными глазами Эштона.

— Корова она, — ответил Эштон. — Послушная, доверчивая, добрая большеглазая дурища. Но ее не было, когда дом загорелся. Она приходящая.

— Когда дом сгорел, работы для нее не осталось?

— Верно. Она после того и не приходила.

— Так ее можно и не считать. Она в деле не фигурирует.

— Можно бы, — сказал Эштон со значением, — если бы она не была влюблена в Брэндона. Воображает, что Джим на ней женится, как разбогатеет. Ну, пробовал я объяснить ей кое-что насчет Джима Брэндона, да она и слушать не хочет.

— Откуда же вы так хорошо знаете этих людей, если вы живете в городском доме, а они — за городом?

- 10** — Так я ж туда, бывало, приезжал.
— Вы ездили на машине?
— Да.
— Машина ваша?
— Нет, хозяин держал ее возле дома для меня, чтоб я мог приезжать к нему за инструкциями. Он терпеть не мог сам ездить в город.
— Что за машина? — спросил Мейсон.
— «Шевроле».
— Больная нога не мешает управлять машиной?
— Этой — нет. На ней есть дополнительный тормоз. Ручной.
Бросив многозначительный взгляд на Деллу Стрит, Мейсон снова повернулся к морщинистому лысому старику:
— Почему же Уинифред не упомянута в завещании?
— Никто не знает.
— Значит, вы сторожили городской дом?
— Именно так.
— Адрес городского дома?
— Ист Вашингтон, тридцать восемь двадцать четыре.
— Вы все еще живете там?
— Да, и еще Лекстер, Оуфли и слуги.
— Другими словами, когда сгорел дом в Карменсите, они переехали в городской дом, так?
— Так. Они бы все равно переехали после смерти хозяина. Они не из тех, кому нравится жить в деревне, городское любят.
— И они возражают против кота?
— Сэм Лекстер возражает. Он душеприказчик.

— В какой именно форме он возражает против кота? 11

— Сказал, чтоб я избавился от животного, иначе он его отравит.

— Причину объяснил?

— Не любит он кошек. А Клинкера особенно не любит. Я внизу сплю и окно держу открытым. Клинкер прыгает туда-сюда, знаете небось: нельзя же кота взаперти держать. А у меня нога больная, не могу я много выходить. Клинкер сам гуляет. Когда дождь, лапы у него пачкаются. Прыгнет в окно — и всю грязь мне на постель несет.

— Окно над вашей кроватью? — спросил Мейсон.

— Прямохонько над ней, там Клинкер и спит. Никому он не мешал. Сэм говорит: он белье портит, счета из прачечной большие. Счета! А уж он-то за ночь в клубе тратит — на десять лет хватит прачечную оплачивать!

— Он — свободный художник, значит? — добродушно спросил Мейсон.

— Был раньше, сейчас не совсем. Деньги-то не получить.

— Какие еще деньги?

— Ну, которые хозяин оставил.

— Мне показалось, вы упомянули, что он их поровну поделил между двумя внуками?

— Ну да — то, что они смогли найти.

— Так они не все нашли? — заинтересованно спросил Мейсон.

— Незадолго до пожара, — Эштон, казалось, получал от своего рассказа удовольствие, — хозяин уладил свои дела. Получил наличными больше

12 миллиона долларов. Никто не знает, что он сделал с деньгами. Сэм Лекстер считает, что он их где-то зарыл, но я-то лучше хозяина знаю. Думаю, он их в сейф положил под чужим именем. Не доверял он банкам. Банки, говорил, в лучшие времена твоими денежками пользуются и прибыль наживают, а в худшие объявляют, что очень, мол, жаль, но вернуть их они не могут. Года два назад он так деньги в банке потерял. Хватило с него.

— Миллион наличными? — переспросил Мейсон.

— Конечно, как же еще он мог их получить? — ощерился Эштон.

Перри Мейсон поглядел на Деллу Стрит и спросил Эштона:

— Вы сказали, Уинифред исчезла?

— Да, и я ее не осуждаю. Остальные с ней не церемонились.

— Сколько лет внукам?

— Сэму двадцать восемь, Фрэнку Оуфли двадцать шесть, Уинифред двадцать два — красавица! Стоит всех остальных, вместе взятых. Полгода назад хозяин по завещанию оставил ей все, а другим двум — по десять долларов. А за два дня до смерти сделал новое завещание.

— Жестоко по отношению к Уинифред, — нахмурился Мейсон.

В ответ Эштон буркнул что-то невнятное.

— Так сколько вы готовы потратить, чтобы отстоять свои права на Клинкера? — рискнул спросить Мейсон.

Эштон достал из кармана бумажник, полный банкнот.

— Я не скряга, — сказал он. — Хороший адвокат стоит дорого. Мне нужен самый лучший. Сколько это будет стоить?

Мейсон так и уставился на толстую пачку.

— Где вы взяли эти деньги? — спросил он с любопытством.

— Сэкономил. Я ничего не трачу, вот и скопилось за двадцать лет. Я их в банке держал, самом лучшем, — хозяин посоветовал. А как хозяин получил наличными, так и я получил.

— По совету мистера Лекстера? — Мейсон не сводил с Эштона глаз.

— Ну, если хотите, да.

— И желаете потратить деньги, чтобы сохранить кота?

— Я желаю разумную сумму потратить, не собираюсь же я на ветер деньги бросать. Хороший адвокат стоит денег, а к бедняку я обращаться не желаю.

— Если я вам скажу, что нужно заключить договор на пятьсот долларов? — спросил Мейсон.

— Это слишком, — Эштон рассердился.

— А если двести пятьдесят?

— Нормально. Столько я заплачу. — Эштон начал отсчитывать.

— Минутку, — Мейсон засмеялся. — Может, и не придется тратить так много. Я только хотел проверить, насколько вы привязаны к своему коту.

— Очень привязан. Готов любые деньги отдать, чтобы поставить Сэма Лекстера на место, но разоряться не хочу.

— Инициалы Лекстера? — спросил Мейсон.

— Сэмюэль К.

14 — Возможно, — сказал Мейсон, — достаточно будет письма. Если так, вам это обойдется дешево. — Он повернулся к Делле Стрит. — Делла, напиши письмо Сэмюэлю К. Лекстеру, Ист Вашингтон, тридцать восемь двадцать четыре. «Уважаемый сэр, мистер Эштон проконсультировался со мной... — нет, минутку, Делла, лучше и здесь с инициалами. У меня записано — Чарльз Эштон... проконсультировался со мной относительно своих прав по завещанию покойного Питера Лекстера. Согласно завещанию, вы обязаны обеспечивать мистера Эштона работой привратника на то время, пока он в состоянии выполнять эту работу. Мистер Эштон желает иметь при себе кота. Место дает право держать животное. В данном случае это именно так, поскольку животное имелось при жизни завещателя. Если вы нанесете вред коту мистера Эштона, я вынужден буду констатировать, что вы нарушили волю покойного и, следовательно, наследство должно быть конфисковано».

Перри Мейсон улыбнулся Делле Стрит:

— Это его здорово заденет. Когда он поймет, что надо выбирать между наследством и каким-то котом, он решит не связываться. Оставьте бухгалтеру десять долларов, — повернулся он к Эштону. — Она даст вам квитанцию. Если что-то получится, я вам позвоню. Если вы обнаружите что-то новое, звоните в контору и спросите мисс Стрит — это моя секретарша. Можете передать информацию через нее.

Эштон вцепился руками в костыль, с трудом поднялся. Не сказав ни слова благодарности, даже не попрощавшись, он, хромя, вышел.

Делла Стрит удивленно уставилась на Мейсона: 15

— Возможно ли, чтобы внук лишился наследства, если он выбросит кота?

— Случались и более странные вещи, — ответил Мейсон. — Все зависит от того, как составлено завещание. Если забота о привратнике — условие вступления в наследство, я чего-то добьюсь. Все, что мне сейчас нужно, — это напугать мистера Сэмюэля Лекстера. Думаю, скоро он с нами свяжется. И тогда... Вот почему я так люблю свою работу — она дьявольски разнообразна... Кот привратника! — Он усмехнулся.

Делла Стрит захлопнула блокнот и по дороге к себе задержалась у окна, глядя вниз на шумную улицу.

— Ты ему оставил двести сорок долларов, — сказала она, бесцельно глядя наружу, — а он даже не поблагодарил.

Ворвавшись в открытое окно, ветер растрепал ее волосы. Она высунулась по пояс, наслаждаясь свежим воздухом.

— Может, просто чудачество, — предположил Мейсон. — Он ведь старик... Не высовывайся так, Делла... Не забывай, что он любит животных и что он далеко не молод. Что бы он ни говорил, ему не меньше семидесяти пяти...

Делла выпрямилась и грациозно повернулась к Перри Мейсону.

— Тебе, наверное, будет интересно узнать, — сказала она, — что кто-то следит за нашим любителем кошек.